

А. П. Марьюшкина

Пародирование женского дискурса в «Непобедимом солнце» В. Пелевина

Исследования женского дискурса не утрачивают своей актуальности более полувека в ряде гуманитарных наук (философии, социологии, культурологии, лингвистики, литературоведения). В отечественной литературе женский дискурс оказывается не только объектом осмысления, но и пародирования, прежде всего в прозе постмодернистской, осмеивающей крайности феминистской этики и эстетики. В статье впервые анализируется пародирование женского дискурса в романе В. Пелевина «Непобедимое солнце». Установлено, что, во-первых, В. Пелевин, демонстрируя негативное отношение к идеологии феминизма, с большой долей иронии изображает представителей либеральных сообществ и поколения, выросшего на образах, порождаемых коммерческими организациями и медиа. Во-вторых, в романе женский дискурс не только пародируется, но и карнавализуется, что выражается протагонистом: главная героиня – собирательный образ из стереотипов о независимой женщине, замкнутая на себе, не представляющая мир без ярлыков, которые выбрала для себя и окружения.

Ключевые слова: В. Пелевин, роман «Непобедимое солнце», пародия, ирония, женский дискурс, феминистская идеология.

Для цитирования: Марьюшкина А. П. Пародирование женского дискурса в «Непобедимом солнце» В. Пелевина // Art Logos (искусство слова). – 2024. – № 3 – С. 80–99. DOI: 10.35231/25419803_2024_3_80. EDN: PJAQED

Общеизвестно, что феминизм является частью культурного, интеллектуального и философского дискурсов, ставя под сомнения традиционные взгляды на «мужское» и «женское». Феминизм первой волны, ассоциируемый с движением суфражисток (конец XIX и начало XX в.), был направлен на социальное, правовое и экономическое равенство женщин и мужчин (возможность избирать и быть избранными в органы власти, права собственности в браке, получение образования наравне с мужчинами) и носил достаточно «мирный» характер, за исключением единичных

случаев вандализма и поджогов [4]. Феминистки же второй волны видят причины своего «второстепенного» положения по отношению к мужчинам в патриархальном порядке, который распространяется и на публичную, и на частную жизнь. Это приводит к актуализации ряда проблем: психологическое и домашнее насилие, навязанные гендерные роли, неравная оплата труда, «стеклянный потолок», женский бесплатный труд (домашний и репродуктивный) и др. Феминизм третьей волны, возникающий в 1980–1990-е гг., более не «привязан» к биологическому полу. В мировую (прежде всего западную) культуру входит понятие *гендера* как идентификации личности самой себя вне навязанных обществом социальных установок, связанных с полом. Объединившись с другими течениями антиистеблишмента (либералами, анархистами, «зелеными» и др.), феминистки потребовали пересмотра (деконструкции) устоявшихся взглядов и мнений об искусстве, о роли и месте гендерного начала в творчестве [24].

Очевидно, что при возникновении такого мощного в социальном и культурном планах движения, в нём рано или поздно образуются идейные ответвления. Феминизм не стал исключением: в настоящее время определить точное количество его течений очень трудно. В статье мы будем опираться на два самых известных: интерсекциональный и радикальный феминизм. В этой связи считаем нужным указать на главные отличительные особенности этих течений. Интерсекциональный феминизм не различает расы, гендера, социального статуса и борется за абсолютное равенство всех людей в любом из общественных институтов. Радикальный феминизм отличается убежденность в угнетении женщин патриархатом [5].

Женский дискурс тесно связан с понятием социокультурного пола (гендера), формирующего сознание и особенности поведения личности. В центре внимания исследователей оказываются вопросы возникновения и реализации гендерных ролей, коммуникативных маркеров женской и мужской идентичности, гендерных стереотипов [2; 6; 8; 20; 22–23 и др.].

Актуализация женской идентичности, роль женщины в исторических процессах, культуре и политике в локусе феминистических течений отражены в работах В. Брайсона [4], Дж. Бутлера [25], М. И. Арбатовой [1], А. Д. Емелиной [5],

Н. А. Нечаевой [12], А. П. Коноваловой и Д. Ш. Цырендоржиевой [9–10], Е. В. Широковой [24] и др.

Пародия как коммуникативное поведение в форме текста, имитирующее характерные черты или действия высмеиваемого объекта, в культуре и современном медиапространстве рассматриваются в работах Р. Харимана [26], Дж. Палмера [27], Т. Петрович [28], А. Пиаты [29]. Так, Р. Хариман отмечал, что одной из главных черт и, вместе с тем, преимуществ пародии является её оппозиционность доминирующим ценностям общества, искусственно продвигаемых истеблишментом через нормативные акты, государственные каналы и массовую культуру. По мнению исследователя, это происходит за счёт обращения навязываемых ценностей в комические образы, близкие широкой аудитории.

Т. Петрович выделяет три направления современной пародии: карнавализацию, пародийную переработку дискурсов и протестную деятельность (активизм). Карнавализация соотносится непосредственно с понятием амбивалентного смеха, выражающегося, в первую очередь, через обыгрывание и высмеивание политических образов и современных общественных установок. Пародийная переработка дискурсов – форма эксплицитного и имплицитного протеста. Исследовательница особо подчеркивает такие особенности политической пародии, как диалогичность и поливокальность, обращая внимание на проблему неоднородности двунаправленных взаимоотношений «система-субъект», которая часто игнорируется в исследованиях политического дискурса. В связи с чем она предлагает обратиться к рефлексивной части вопроса: рассматривать не только инструментарий и контекст политической пародии, но и восприятие ее людьми (какой юмор имеет отклик в конкретной социальной группе, чем отличается восприятие пародии в разных группах и причины бифуркации).

В этом с Т. Петрович солидарна А. Пиата, которая отмечает особую роль двусмысленности в пародии. Неоднозначность заложенной в пародии метафоры призывает адресата к осмыслению обыгрываемых явлений, за счёт чего у каждого воспринимающего субъекта складывается собственное мнение о предмете осмеяния. А. Пиата прослеживает связь комического и метафоры, в результате чего делает вывод

о практической значимости и взаимозависимости этих элементов: метафора служит травестийной моделью реальности, юмор – средством её критики.

Итак, актуальность настоящей статьи объясняется, во-первых, возросшим интересом к женской тематике и проблематике в современном социокультурном контексте. Во-вторых, необходимостью осмысления темы деконструкции феминистской идеи в литературном контексте (в частности, на материале романа В. Пелевина «Непобедимое солнце», где она ставится в центр проблемного поля). Заметим, что при этом писатель обращается в большей мере к феминизму американскому, тесно сплетая его с глобалистской политикой и темой «заговора» искусства.

Научная новизна работы заключается в рассмотрении романа «Непобедимое солнце» В. Пелевина с позиции деконструкции и пародирования женского дискурса, что ещё не было актуализировано или вовсе игнорировалось в работах по этой теме. Так, Г. Юзефович¹ и Т. Лестева² в рецензиях на «Непобедимое солнце» указали на положительную роль, отведенную женщине в романе, авторское «восхищение» женщиной в её созидательной природе, с ними солидарна К. И. Камалетдинова [7]. В статье мы попытаемся оспорить эту позицию. Соответственно, цель настоящей работы – выявить специфику пародийного дискурса в романе В. Пелевина «Непобедимое солнце».

Теоретической базой работы явились труды, посвящённые, во-первых, изучению «женской» тематики и проблематики М. Арбатовой [1], Н. Ажгихиной [2], В. Брайсона [4], А. Емелиной [5], Е. Каган [6], А. Кирилиной [8], А. Коноваловой и Д. Цырендоржиевой [9–10], Н. Нечаевой [12], С. Ушакина [22], А. Холод [23], Е. Широковой [24], Дж. Бутлера [25]; во-вторых, статьи Т. Петрович [28] и А. Пиаты [29], чьё понимание пародии мы проецируем на роман В. Пелевина; в-третьих, посвященные творчеству В. Пелевина работы О. Богдановой и С. Кибальника [3], Г. Нефагиной [11], Д. Нечепуренко [13], О. Осмухиной [14–15].

¹ TibtanFox. Галина Юзефович о романе Виктора Пелевина «Непобедимое солнце» // Рецензии критиков. Электронный ресурс. URL: <https://www.livelib.ru/critique/post/59227-galina-yuzefovich-o-romane-viktora-pelevina-nepobedimoe-solntse> (дата обращения: 21.07.2024).

² Лестева Т. Тридцатилетняя женщина XXI века. По роману Виктора Пелевина «Непобедимое солнце». М., ЭКСМО, 2020 // Сайт творчества. Электронный ресурс. URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-lest9.pdf> (дата обращения: 21.07.2024).

Материалы и методы

Материалом исследования служит наиболее показательный в контексте интересующей нас проблематики роман В. Пелевина «Непобедимое солнце», а также в сравнительно-сопоставительном аспекте привлекались романы «iPhuck 10», «Тайные виды на гору Фудзи» и «Transhumanism Inc.», написанные в избранных нами хронологических рамках (середина 2010-х – начало 2020-х годов).

Для осуществления поставленной цели использованы следующие методы исследования: сравнительно-исторический, необходимый для сопоставления романов В. Пелевина; герменевтико-интерпретационный, позволивший выявить имплицитные элементы пародии и иронии; метод дискурсивного анализа, посредством которого был вычленен и проанализирован женский дискурс в романе «Непобедимое солнце»; метод целостного анализа, с помощью которого женский дискурс романа В. Пелевина рассмотрен в непосредственной взаимосвязи с его тематикой и проблематикой.

Результаты

Осмысление влияния политики на социокультурный дискурс, внедрение современных форм карго-культа («поклонения вещам») через искусство, медиа, СМИ, рекламу заняло центральное место в проблемном поле романной прозы В. Пелевина ещё с 2000-х годов. Так, в «Т» объектом авторского внимания стала литература, которая, по мнению писателя, неизбежно вырождается. Более того, она держится на плаву только благодаря интертекстуальному «заигрыванию» деятелей искусства с «трупным материалом культуры» [16, с. 40]: отсюда интеграция образа Льва Толстого в боевик-триллер, Федора Достоевского – в шутер в стиле зомби-апокалипсиса. В романе «iPhuck 10» писатель впервые даёт определение этому феномену – искусство «гипса», где культурные объекты – это даже не сами «тела», подобные «духовным мардонгам» прошлого (рассказ В. Пелевина «Мардонги»¹, где иронично описаны попытки исследователей создавать «портрет» автора по его текстам и возведение его в культ), но лишь гипсовые

¹ Пелевин В. О. Мардонги. Электронный песчупс. URL: <http://pelevin.nov.ru/rass/pe-mard/1.html> (дата обращения: 10.07.2024).

отпечатки, созданные по оставшимся от прошлого пустотам. Через год в свет выходит его новый роман «Тайные виды на гору Фудзи» (2018), в котором подобная метафора расширяется. Индивидуальный предприниматель Дамиан, торговец счастья, предлагает своим клиентам услугу «Помпейский поцелуй»: пережить заново минуты блаженства или воплотить неосуществленные когда-то мечты. Как следует из названия, услуга связана со статуями жителей Помпеи, которые приняли неожиданную смерть в разнообразных позах и истлели в тот же миг, как их накрыла волна пепла и магмы. От них осталась лишь пустота и нечёткая форма в застывшей субстанции. Метафорические гипсовые формы как нечёткие следы минувшего образуют известную нам историю человеческой цивилизации. Однако пустоты, ранее заполненные чем-то значимым, остаются не только в коллективной исторической памяти, но и в памяти персональной – на этом базируется стартап Дамиана Улитского.

Эта же мысль прослеживается и в «Непобедимом солнце». В споре Фрэнка с экскурсоводом из «Цистерны Базилика»: «Культура – это не только самоподдерживающийся, но и самопоедающий механизм. В точности как человеческое тело. Прошлое с его артефактами и историями растворяется в нем без остатка... / – Оно не растворяется <...> Оно теряет свое имя. Становится бездомным эхом. Мы видим и слышим массу вещей, которые раньше были чем-то другим. Мы просто их не узнаем» [18, с. 138]. В беседе Саши с хранительницей чёрного камня Со об античной музыке, в которой та открыла удивительную схожесть третьей части «Крейцеровой сонаты» с тарантеллой: «музыка как воспоминание души», только не о «небесной родине», как полагали Платон и Шопенгауэр, а о древнем земном опыте» [18, с. 456].

«Заговор» искусства, существующий в «гипсовом» веке, В. Пелевин определял как договоренность между элитой искусствоведческих и интермедийных компаний, которые и задают цены на мировом рынке. Поэтому искусство – это серьёзный и очень крупный бизнес, за которым всегда стоит политика. В «Тайных видах на гору Фудзи» с политическими интригами тесно связан кинематограф, хотя это не столь очевидно, как в «iPhuck 10».

Феминистское движение, идейно вдохновившее В. Пелевина на осмысление его в романной прозе в 2017 году, совпало со временем падения «короля Голливуда», владельца кинокомпании Miramax и продюсера множества культовых картин (к примеру, «Убить Билла», «Властелин Колец», «Братья Гримм», «Влюбленный Шекспир» и т. д.) Харви Вайнштейна. Как известно, его обвинили в использовании своего статуса для принуждения к близости многих голливудских актрис, среди которых были Мира Сорвино, Ума Турман, Роуз Макгоуэн, Розанна Аркетт, Сальма Хайек и др. Грандиозный секс-скандал вызвал волну общественного негодования во всём мире и запустил популярный в соцсетях хэштег #MeToo («Я тоже»). Хэштег появляется у Пелевина в «Тайных видах на гору Фудзи» в качестве «волшебного слова», которым можно заговорить Священную игуану, и в составе эксплицитной отсылки: «Ринат потом назвал именем “Миту” самую дорогую борзую суку на своей псарне. Почти чеховская “Мисюсь”» [19, с. 339].

Х. Вайнштейн вынужден был заплатить несколько десятков миллиардов долларов, чтобы женщины отозвали свои иски, развелся с женой, потерял компанию и влияние, многие из его друзей и коллег отвернулись от него. Сам же продюсер после долгой психологической реабилитации в клинике получил двадцать три года лишения свободы. Скандальная история Вайнштейна, внесшего значимый вклад в кинематограф, вызвавшая общественный резонанс, не могла не быть отражена в прозе Пелевина, традиционно остро реагирующего на происходящее в массовой индустрии. Вероятно, этот судебный процесс был на стадии разработки «iPhuck 10», поэтому не получил в нём глубокого воплощения: Маруха Чо – небинарная персона, представительница интерсекционального феминизма, не испытывает ненависти к «патриархату» в условиях отсутствия физической близости с живыми людьми, но как передовая девушка является носителем штампов многих субкультур. Это необычная внешность (брита наголо, «иссушена диетами», «одета в кожаную БДСМ-упряжь с шипами») и образ жизни (питается исключительно вегетарианской едой) [16, с. 20–21]. На героинь «Непобедимого солнца» и «Тайных видов на гору Фудзи» она похожа исключительной

волей к самосовершенствованию, гармонично уживающейся с «отложенной GRATIFICATION» [19, с. 63] мести.

Однако в следующем после «iPhuck 10» романе В. Пелевин сделал историю победы радикального феминизма, запустившего «эффект Вайнштейна», одной из отправных точек сюжета. Так, сам Вайнштейн появляется при описании потолка спальни олигарха, оформленной в стиле «Голливуд разбитых надежд»: «Эдакий патриархальный экспрессионизм – жестко, но честно <...> Это триптих, и – ответил Федр Семенович, подписывая очередную бумагу. – Харви Вайнштейн насилует Николь Кидман, Уму Турман и Натали Портман» [19, с. 78]. Кроме того, история Вайнштейна возникает в атрибутивных интертекстуальных отсылках, например, при перечислении актуальных тем, о которых спорят на своих яхтах современные олигархи: «Трамп и заговор джидаяев» [19, с. 332]. Существует мнение, что Дональд Трамп в реальной истории играл роль «серого кардинала», который сумел перенаправить обострившееся во второй половине 2010-х годов внимание феминистского сообщества [21] на своих оппонентов, что также нашло воплощение в тексте «Тайных видов на гору Фудзи». Посыл автора романа пронизан иронией и неприязнью к радикальным проявлениям феминизма: обвинение «патриархата» во всех бедах, навязывание социального конструкта поведения женщинам, постоянные судебные разбирательства, убежденность в том, что мужчин невозможно любить, только терпеть, требование прав и равенства, совмещенное с видением мужчины как «иностранного», «чужого», далекого от понимания существа («Мужик – это всё-таки чужой» [18, с. 22]). Все они показаны в героинях «Тайных видов на гору Фудзи», «Непобедимом солнце» и «Transhumanism Inc.».

Зловещая рука «патриархата» в названных романах синонимична «Старшему Брату» Дж. Оруэлла: он ненавистен, вездесущ, его влияние угнетает и сковывает героинь, но, в то же время, в нем кроется сила и «особая пати́на, какой покрывается кожа от близости к большим деньгам и океанической свободе: как бы загар от особого солнца богатых, делающий человека моложе лет на десять» [19, с. 58], поэтому ни одна из протагонисток не может защитить себя от него. В «Тайных видах на гору Фудзи» читаем: «Чем пошлее были описания

“мимолетного цветка красоты” в программирующей патриархальной прозе (почему-то звавшейся “женскими романами”), чем отвратительнее казалась безответная покорность, привитая их героиням в качестве “вечной женской мудрости”, тем яснее было, что ничего со всем этим поделаться нельзя» [19, с. 29]. Или в «Непобедимом солнце»: «Тридцатник для девушки это круто. Скажем так: ты не то чтобы прямо полностью “выпадаешь из педофильского поля охоты” <...>, но некоторые симптомы наблюдаются. Думаю, их чувствует любая. Особенно, как было подмечено, в патриархальной стране третьего мира, где девочек с детства учат осознавать свою товарную ценность (потому что другой у них просто нет) и бессознательно конкурировать с подругами за воображаемого самца даже на женской зоне» [18, с. 10]; «Дюшан, кстати, мог бы выставить в качестве объекта искусства не писсуар, а биде – а то уж очень отстойно и патриархально» [18, с. 65]; «...“белое мужское начало”, которое так бесит малообеспеченных передовых американок в богатых реакционных американцах. Не то чтобы патриархальное объективирование женщины, но...» [18, с. 449]; «А что это значит, кстати – альфа-самка? Платит за выпивку? Это не альфа-самка, а просто дура. Растоптала сто других самок в битве за самца? Тоже как-то не очень... Патриархат по ходу успел нагадить и здесь» [18, с. 539]; «Если бы так себя повел мужчина, был бы харассмент, конечно. Но у нас была любовь. И я это сделала – развернула ее к себе и поцеловала» [18, с. 635]; «...если время от времени мы начинаем светить не озверевшему патриархату, а друг другу, мы имеем на это полное и неоспоримое право» [18, с. 700].

Даже привилегии своего пола Саша Орлова как «полная, но не окончательная феминистка» считает проявлением дискриминации: «За вход надо платить, но меня пропустили бесплатно – видимо, местное начальство ценило сидящих у стойки блондинок <...> Позитивная дискриминация, все как я люблю» [18, с. 630]. Героини-феминистки настолько уверены в себе и своих врожденных правах на блага этого мира, что не замечают элементарных недостатков своего духовного мира, без капли иронии позволяя себе высказывания: «...у моих родителей с деньгами всё хорошо, и помогать мне для них не составляет труда. Вернее, хорошо у папы,

поэтому неплохо и у нас с мамой. <...> У него другая семья, новые дети – и мы с мамой, как выражаются в деловых кругах, не актив, а обязательство. Я его редко вижу – от моего имени его доит мама» [18, с. 26]; «Спасибо им за всё, многие лета и вечная память. Чудовищное преступление моего рождения на этот свет я им уже почти простила» [18, с. 26].

Миссия творения жизни, которую им так хочется возложить на свои хрупкие плечи, не обременяя себя обязательствами, в романах снисходит на героинь фигурально – за счёт самовнушения. В «Тайных видах на гору Фудзи» – через колодец жизни, который находится под контролем у амазонок-игуан; в «Непобедимом солнце» с помощью управления проектором Мироздания – Камнем Солнечного Бога; в «Trans-humanism Inc.» – слиянием с всемогущим Гольденштейном – солнцем высших тайеров. Но если в «Непобедимом солнце» ирония не столь очевидна («...с этого дня вы живете в мире, созданном блондинкой. <...> У которой, помимо всего прочего, бывают ещё и месячные. Так что не обессудьте, если что-то пойдет не так» [18, с. 697–698]), то в последнем из названных романов «развенчание» наступает сразу: «И тогда Маня вспомнила, что она и есть Гольденштерн. <...> Прекрасный взлетел к вершине купола и замер на секунду под его высшей точкой – золотой звездой своей славы. Предчувствие небывалой радости залило его, переполнило – и сожгло...» [17, с. 181]. Гольденштерн не был Богом, только ярко горящим прожектором, кумиром, который скрывал в тени своего света истинных Богов, знакомых читателю по дилогии о вампирах. Достигнув зенита славы, личность, что на короткое время возомнила себя творцом всего, познает свою ничтожность и низвергается горящим, расщепляющимся на атомы ядром, чтобы освободить место новому Солнцу.

Героини Пелевина целеустремлены и полны внутренней силы, однако их потенциал гаснет в погоне за благами цивилизации. Протагонист «Непобедимого солнца» Саша Орлова живет на деньги родителей, прожигая жизнь в поисках себя, и с горечью понимает, что от всех её модных и прогрессивных духовных практик в конечном итоге не остается ничего, кроме нитки, на которой висят «разноцветные понты» [18, с. 35]. Как и Татьяна из «Тайных видов на гору Фудзи», которая с юности

видела свое будущее только в качестве содержанки («Пора было думать о карьере. <...> Через несколько месяцев, после пары унижительных кастингов, Таня оказалась в одном из гаремов Отари Квантришвили» [19, с. 35]), Саша не планирует заниматься скучными профессиями, предпочитая «творить искусство» с командой таких, как она сама, деятелей, одним из которых был её парень-наркоман Антон, который однажды заявил: «Мне вообще не важно, чем заниматься, лишь бы с кровати не вставать» [18, с. 29]. Однако, несмотря на необычность и смелость, их создания не плодотворны (за исключением последнего «Кот Шредингера и бабочка Чжуан-Цзы в зарослях Травы Забвения», благодаря которому Саше удалось «перезапустить» мир, однако в этом мы видим, скорее, «исключение, доказывающее правило», в котором скрыта тонкая ирония автора). Большая часть молодого поколения представлена в романе именно такой: свободолюбивые художники «без определенного рода деятельности» и с широко развитым «нетфиксом духа» [18, с. 64].

Саша – многогранная и яркая личность, замкнутая на самой себе. Её не беспокоят ни заботы, ни чувства, ни боль других людей. Словно бабочка из сна Чжуан-Цзы, она путешествует по миру, но всё, что с ней происходит, ей кажется нереальным, сказочным. Даже смерть любимого, как ей казалось, человека не вызывает в ней эмоциональный отклик и сразу же уходит на второй план перед страхом попасться полицейским за транспортировку древностей: «Жалость, думала я, это когда узнаешь себя в другой... А в остальное время нам не то что плевать на других, мы даже не догадываемся, что они существуют» [18, с. 522]. Это не кажется удивительным, ибо на протяжении развития сюжета Саша меняет партнеров с той же легкостью, с которой бабочка перелетает с цветка на цветок, не испытывая при этом ни тоски, ни чувства привязанности. Более того, создается впечатление, что именно этого она боится больше всего – стать от кого-то эмоционально зависимой, ведь это накладывает определённую ответственность. Инфантильным героиням-феминисткам, активно занятым созданием себя и борьбой с патриархатом, ответственность женщины перед партнером в браке, матери перед детьми кажется очередной «клеткой», частью «со-

циального конструкта», призванной ограничить их свободу, именно поэтому они далеки от роли «созидателя». Но так как феминизм (и в радикальных, и в более умеренных формах) ставит вперед собой цель внедрить женщину (желательно даже в равных пропорциях с мужчинами) во все возможные роды деятельности и профессии, в романе одной из «боевых сестер» движения удастся стать Богом. Причём не новым, а древним, как сам мир, Шивой – создателем, защитником и преобразователем вселенной в индуизме: «– Ты не Шива. Ты в лучшем случае его шакти. Женщина не может быть Шивой. – Кто сказал? Фамилия, имя. Его в фейсбуке через час за-суспендят, и в твиттере тоже. Сексизм. Нет, даже не сексизм, это гендерный террор...» [18, с. 689].

Таким образом, финал романа имеет двойной смысл: с одной стороны, автор стремится воплотить незабвенную мечту феминистического сообщества о крушении «стеклянного потолка» (особенно остро ощутимую в преддверии выборов президента США осенью 2016 г.: «It was sure to be a day to inspire young girls and athletes everywhere that women can shatter the glass ceiling in America and fulfill their dreams – even the dream of the Oval Office»¹ («Этот день должен был вдохновить молодых девушек и спортсменов на то, что женщины могут разрушить стеклянный потолок в Америке и осуществить свои мечты – даже мечту об Овальном кабинете»; перевод наш. – А. М.), подняв героиню над всеми мировыми правителями; с другой стороны, появление такого божества вызвало череду мировых потрясений и катаклизмов, таких как эпидемия коронавируса, войны, пожары и т. д. Ирония такого сюжетного поворота очевидна.

Кроме того, следует учитывать философский посыл автора относительно высшей ступени духовного развития: в романах Пелевина с 1990-х гг. самые мудрые и просветленные сущности (монахи, невозвращенцы, архаты, «птицы» как первородные создания бога, наиболее приближенные к нему по сущности из «Любви к трём цукербринам» и др.) стремятся не к лучшему бытию для себя и своего мира, а к «не бытию». Только потеряв личность со свойственными ей эгоистичными

¹ INSC. Digital magazine: site. Donald Trump: America's Repudiation of Feminism. Orlando, FL. November 17, 2016. Электронный пещер. URL: <https://theinscribermag.com/donald-trump-americas-repudiation-feminism/> (дата обращения: 22.07.2024).

мыслями и желаниями, можно увидеть подлинную реальность и слиться с Богом. К этому стремился Элагабал и приходившие к нему волхвы. Однако вместо того, чтобы распустить мир, сплетённый из неисчислимого количества страдающих «ниток» (человеческих душ), которые могли бы без боли в один миг стать одним целым с Богом и достичь высшего блаженства, Саша Орлова создаёт мир заново. И создаёт его по деструктивной пьесе любителей, потому новый мир ещё более хаотичен, безумен и полон страдания.

Здесь очевидна очередная имплицитная отсылка к истории Вайнштейна: провал Хилари Клинтон, поддерживаемой Голливудом, инаугурация Дональда Трампа, череда разоблачений и скандалов с длительными судебными разбирательствами, начавшаяся с развенчания кинорежиссера, – для В. Пелевина являются звеньями одной цепи.

Успешность судебных исков женщин, подвергшихся физическому или психологическому насилию, породила новую культуру взаимоотношений мужчина – женщина на Западе и в США, которую Пелевин обыгрывает в написанных после 2017 г. романах: приглашая Татьяну на встречу с Федором Семеновичем, Дамиан просит подписать её контракт: «Исключительно для того, чтобы вы не могли обратиться в суд с каким-нибудь вздорным обвинением. Или не подумали нанять книгтеров (игра слов «книга» и «ниггер» / раб), чтобы издать скандальную и пустую книжонку о вашей встрече» [19, с. 61]; «...за каждым успешным мужчиной стоит любовь женщины, и британские юристы отлично умеют переводить эту максиму на язык конкретных цифр» [19, с. 55]. В импровизированной «Сказке острова Шикотан» о современной царевне-лягушке: «И попросит юриста лягушка / Все мое на нее записать, / Потому что я мял её брюшко, / Регулярно мешая ей спать» [18, с. 77]; «Теперь он будет всего бояться, у них ведь в Америке концлагерь. Особенно для белых мужиков» [20, с. 139]; «...я пошла вверх по трапу, волоча за собой сумку. Тим не сделал попытки помочь. Американец, подумала я. Боится, что засужу» [18, с. 234] и др.

Обсуждение и выводы

Женский дискурс становится объектом пелевинской пародии с середины 2010-х гг., что совпадает с усилением ак-

тивности феминистских сообществ после победы на выборах президента США Дональда Трампа. Ранее левоцентризм обыгрывался писателем лишь в рамках мужских нетрадиционных отношений («Любовь к трём цукербринам», «Числа», «Лампа Мафусаила, или Крайняя битва чекистов с масонами»), причем диапазон воук-повестки постепенно расширялся: уже в «Лампе Мафусаила» (2016) необычные наклонности протагониста приобретают политическую окраску и объясняются современными модными течениями; в «iPhuck 10» пародийным предстаёт внимание к расовой и национальной принадлежности (славяне-украинцы – низкое расовое качество; цветные жители вайферлендов – высокое и т. д.), гендеру, ориентации, субкультурам. Феминизм как объект пародии выступает на передний план в «Тайных видах на гору Фудзи» и «Непобедимом солнце». Модель игры та же, что и в «Лампе Мафусаила»: повествование от первого лица героя, который уверен в адекватности своих мыслей и действий до встречи с необъяснимым и желает вернуть всё на круги своя, однако женский дискурс обыгрывается более тонко. В первую очередь, за счёт того, что героини-феминистки в романах Пелевина представляют умеренный интерсекциональный феминизм, во-вторых, из-за искренней убеждённости героинь в правомерности такого мышления.

С героинями-феминистками не происходит ничего, что дискредитировало бы их убеждения, напротив, в повествовании постоянно «высвечиваются» те события, что укладываются в их картину мира (метафора из «Transhumanism Inc.» о том, что информационное поле – это тёмная улица, и силам, манипулирующим нашим сознанием, достаточно лишь осветить фасады, вписывающиеся в созданную ими реальность). Тем самым, на переднем плане «Непобедимого солнца» оказывается образ прогрессивной девушки, следующей современным трендам, с активной жизненной позицией. Её мысли и действия подсказываются окружением, которое в связи со спецификой деятельности Тима и Со является собранием одиозных личностей, на фоне которых Саша Орлова выглядит достаточно блёкло. Но в этом проявляется тонкая пелевинская ирония: все гости хранителей Камня являются пародией на тот или иной дискурс (хипстеры-анархисты, архатки-трансгендеры,

даосы-мизогины), они выражают разные мнения и придерживаются разных убеждений, тайно и открыто осуждая позиции друг друга; в полифонии их голосов трудно отделить серьёзные рассуждения от едкой иронии автора.

Относительно пародийности женского дискурса в «Непобедимом солнце» В. Пелевина мы пришли к следующим выводам. Во-первых, в положении вненаходимости автор реализует свою социально-политическую позицию через голоса персонажей, обыгрывая актуальные дискурсы в их диалогах (например, женский дискурс через столкновение бородатой архатки Кендры, мизогина Винса, феминистки Саши и «тайного трамписта» Леонарда); через самих героев выражает протест и осуждение навязываемого медиа и коммерческими организациями образа «свободной» и «успешной» женщины. Во-вторых, карнавализация женского дискурса выражается протагонистом – автор не стилизует Сашу под умеренную феминистку, для того чтобы показать её передовой и современной, он её «играет». Саша – собирательный образ из стереотипов о независимой женщине, она замкнута на себе, не представляет мир без ярлыков, которые выбрала для себя и окружения. Показательным в этом плане нам представляется то, что, меняя маски, протагонист одинаково ощущает себя и в женском, и мужском теле, однако не придаёт этому значения (автор обыгрывает мифологические представления об андрогинной природе божества). Женская сущность героини ограничивается осознанием значимости исторической мести за века рабства и насилия патриархату.

Список литературы

1. Арбатова М. И. Женская литература как факт состоятельности отечественного феминизма // Преображение. Русский феминистский журнал. – 1995. – № 3. – С. 78–90.
2. Ажгихина Н. И. Женщина как объект и субъект в современной российской литературе // Вы и мы. – 2000. – № 13 (29). – С. 20–23.
3. Богданова О., Кибальник С. и др. Литературные стратегии Виктора Пелевина. – СПб.: Петрополис, 2008. – 184 с.
4. Брайсон В. Политическая теория феминизма. – М., 2001. – 304 с.
5. Емелина А. Д. Феминизм и феминизмы как философия и философская проблема // Омские научные чтения – 2018. Материалы Второй Всероссий-

ской научной конференции. Отв. ред. Т. Ф. Яшук. – Омск, 2018. – С. 748–750. EDN: ZCTZOX.

6. Каган Е. В. Стереотипы мужественности и женственности и «образ я» у подростков // Психологический журнал. – 1988. – № 5. – С. 53–62.

7. Камалентдинова К. И. Женские образы в романе В. Пелевина «Непобедимое солнце» // Глобальные вызовы современности и духовный выбор человека. XXIII Красноярские краевые Рождественские образовательные чтения. Материалы и доклады Межрегиональной научно-практической конференции. – Красноярск, 2023. – С. 263–274. EDN: KWHAES.

8. Кирилина А. В. «Мужественность» и «женственность» с точки зрения лингвиста // Женщина в российском обществе. – 1998. – № 2. – С. 21–27.

9. Коновалова А. П., Цырендоржиева Д. Ш. Протофеминистские идеи как основа феминистского движения // Человек и общество в поиске новых смыслов: материалы всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию кафедры философии Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова / научн. ред. К. А. Багаева. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2022. – С. 51–57. EDN: AVIYYP.

10. Коновалова А. П., Цырендоржиева Д. Ш. Этнические феминизмы: критика мейнстримного феминизма // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. – 2024. – № 1. – С. 53–59. DOI: 10.18101/1994-0866-2024-1-53-5. EDN: GKUCNX.

11. Нефагина Г. Л. Русская проза конца XX века. – М.: Флинта; Наука, 2003. – 320 с.

12. Нечаева Н. А. Патриархатная и феминистская картины мира: анализ структуры массового сознания // Гендерные тетради. – СПб.: СПб филиал Института социологии РАН, 1997. – Вып. первый. – С. 17–44.

13. Нечепуренко Д. В. В. О. Пелевин. Традиции и новаторство // Челябинский гуманитарий. – 2014. – № 1 (26). – С. 52–57. EDN: SQVUBN.

14. Осьмухина О. Ю. О новых тенденциях в российском романе рубежа XX–XXI веков: В. Пелевин, В. Сорокин, П. Крусанов // Филологические исследования – 2002. – Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2003. – С. 189–191. EDN: YTTNBR.

15. Осьмухина О. Ю. Русские писатели, XX век: биограф. слов.: А–Я / сост. И. О. Шайтанов. – М.: Просвещение, 2009. – С. 408–410.

16. Пелевин В. О. iPhuck 10: роман. – М.: Эксмо, 2018. – 416 с.

17. Пелевин В. О. Transhumanism Inc. – М.: Эксмо, 2021. – 608 с.

18. Пелевин В. О. Непобедимое солнце. – М.: Эксмо, 2022. – 704 с.

19. Пелевин В. О. Тайные виды на гору Фудзи. – М.: Эксмо, 2019. – 416 с.

20. Сафонова В. А. Социальная история искусства: К становлению метода // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2012. – № 150. – С. 89–93. EDN: OZQFNL.

21. Титтон М. Мода, Феминизм и радикальный протест // Теория моды: одежда, тело, культура. – 2021. – № 1 (59). – С. 159–169. EDN: OEOFES.

22. Ушакин С. А. Поле пола // Женщина. Гендер. Культура. – М., 1999. – С. 35–45.

23. Холод А. М. Мужская и женская картина мира в русском языке // Вербальные и невербальные дейксисы маскулинности и фемининности. – Кривой Рог, 1997. – С. 101–121.

24. Широкова Е. В. В поисках феминного дискурса: эстетико-поэтические эксперименты в русской женской прозе конца XX века // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2011. – № 4. – С. 90–96. EDN: ONSZNV.

25. Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity // New York; London: Routledge, 1990. – 71 p.

26. Hariman R. Political Parody and Public Culture // Quarterly Journal of Speech. – 2008. – Vol. 94. – No. 3 – Pp. 247–272. DOI: 10.1080/00335630802210369.

27. Palmer J. Parody and Decorum: Permission to Mock // Beyond a Joke: The Limits of Humour. – London: Palgrave Macmillan UK. – 2005. – Pp. 79–97. DOI: 10.1057/9780230236776_5

28. Petrović T. Political Parody and the Politics of Ambivalence // Annual Review of Anthropology. – 2018. – Vol. 47. – No. 1 – Pp. 201–216. DOI: 10.1146/annurev-anthro-102215-100148.

29. Piata A. When metaphor becomes a joke: Metaphor journeys from political ads to internet memes // Journal of Pragmatics. – 2016. – Vol. 106. – Pp. 39–56. DOI: 10.1016/j.pragma.2016.10.003.

Anastasia P. Maryushkina

Parody of Women's Discourse in V. Pelevin's *The Invincible Sun*

Studies of women's discourse have not lost their relevance for more than half a century: the image of women and the whole complex of "female" issues have become the subject of special consideration of a number of humanities (philosophy, sociology, cultural studies, linguistics, literary studies). In the domestic literature of recent decades, women's discourse is not only the object of comprehension, but also of parody, primarily in postmodernist prose that ridicules the extremes of feminist ethics and aesthetics. The present article is devoted to the analysis of parodying female discourse in the novel by Pelevin's novel *The Invincible Sun*. The scientific novelty of the research consists in the fact that for the first time in Russian literary studies the novel of the novelist is considered in the stated aspect. It is established that, firstly, V. Pelevin, demonstrating a negative attitude to the ideology of feminism, with a large share of irony portrays representatives of liberal communities and the generation that grew up on the images generated by commercial organizations and media. Secondly, in the novel, the female discourse is not only parodied but also carnivalized, which is expressed by the protagonist: the protagonist is a collective image of stereotypes of an independent woman, closed in on herself, who cannot imagine the world without the labels she has chosen for herself and her surroundings.

Key words: V. Pelevin, novel *The Invincible Sun*, parody, irony, women's discourse, feminist ideology.

For citation: Maryushkina, A. P. (2024) Parodirovanie zhenskogo diskursa v «Nepobedimom solnce» V. Pelevina [Parody of Women's Discourse in V. Pelevin's *The Invincible Sun*]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 80–99. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2024_3_80. EDN: PJAOED

References

1. Arbatova, M. I. (1995) ZHenskaya literatura kak fakt sostoyatel'nosti otechestvennogo feminizma [Women's literature as a fact of the viability of domestic feminism]. *Preobrazhenie. Russkij feministskij zhurnal – Transfiguration. Russian feminist magazine*. No. 3. Pp. 78–90. (In Russian).
2. Azhghina, N. I. (2000) ZHenshchina kak ob"ekt i sub"ekt v sovremennoj rossijskoj literature [Woman as an object and subject in contemporary Russian literature]. *Vy i my – You and Us*. No. 13 (29). Pp. 20–23. (In Russian).
3. Bogdanova, O., Kibal'nik, S. (2008) *Literaturnye strategii Viktora Pelevina* [Victor Pelevin's Literary Strategies]. St.-Petersburg: Petropolis Publ. (In Russian).
4. Brajson, V. (2001) *Politicheskaya teoriya feminizma* [Political Theory of Feminism]. Moscow. (In Russian).
5. Emelina, A. D. (2018) Feminizm i feminizmy kak filosofiya i filosofskaya problema [Feminism and feminisms as philosophy and philosophical problem]. *Omskie nauchnye chteniya – 2018* [Omsk Scientific Readings – 2018]. Proceedings of the Second All-Russian Scientific Conference. *Otv. red. T. F. Yashchuk*. Omsk. Pp. 748–750. EDN: ZCTZOX. (In Russian).
6. Kagan, E. V. (1988) Stereotipy muzhestvennosti i zhenstvennosti i «obraz ya» u podrostkov [Stereotypes of masculinity and femininity and the «self-image» of adolescents]. *Psihologicheskij zhurnal – Psychological journal*. No. 5. Pp. 53–62. (In Russian).
7. Kamalentinova, K. I. (2023) ZHenskie obrazy v romane V. Pelevina «Nepobedimoe solnce» [Female images in V. Pelevin's novel «The Invincible Sun»]. *Global'nye vyzovy sovremennosti i duhovnyj vybor cheloveka. XXIII Krasnoyarskie kraevye Rozhdestvenskie obrazovatel'nye chteniya* [Global challenges of modernity and spiritual choice of man. XXIII Krasnoyarsk regional Christmas educational readings]. Materials and reports of the Interregional scientific and practical conference. Krasnoyarsk. Pp. 263–274. EDN: KWHAES. (In Russian).
8. Kirilina, A. V. (1998) «Muzhestvennost'» i «zhenstvennost'» s toчки zreniya lingvista [«Masculinity» and «femininity» from the point of view of a linguist]. *ZHenshchina v rossijskom obshchestve – Woman in Russian society*. No. 2. Pp. 21–27. (In Russian).
9. Kononova, A. P., Cyrendorzhieva, D. SH. (2022) Protofeministskie idei kak osnova feministского dvizheniya [Proto-feminist ideas as the basis of the feminist movement]. *Chelovek i obshchestvo v poiske novyh smyslov: materialy vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 90-letiyu kafedry filosofii Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta im. Dorzhi Banzarova* [Man and society in search of new meanings: materials of the all-Russian scientific conference dedicated to the 90th anniversary of the philosophy department of the Dorzhi Banzarov Buryat State University] *nauchn. red. K. A. Bagaeva*. Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta. Pp. 51–57. EDN: AVIYYP. (In Russian).
10. Kononova, A. P., Cyrendorzhieva, D. SH. (2024) Etnicheskie feminizmy: kritika mejnstrimnogo feminizma [Ethnic Feminisms: A Critique of mainstream feminism]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya – Bulletin of the Buryat State University. Philosophy*. No. 1. Pp. 53–59. DOI: 10.18101/1994-0866-2024-1-53-5. EDN: GKUCNX. (In Russian).
11. Nefagina, G. L. (2003) *Russkaya proza konca XX veka* [Russian prose of the end of the XX century]. Moscow: Flinta; Nauka Publ. (In Russian).

12. Nechaeva, N. A. (1997) Patriarhatnaya i feministskaya kartiny mira: analiz struktury massovogo soznaniya [Patriarchal and Feminist Worldviews: an analysis of the structure of mass consciousness]. *Gendernye tetradi* [Gender notebooks]. Issue one. St. Petersburg: Filial Instituta sociologii RAN Publ. Pp. 17–44. (In Russian).

13. Nechepurenko, D. V. (2014) V. O. Pelevin. Tradicii i novatorstvo [V. O. Pelevin. Tradition and innovation]. *CHelyabinskij gumanitarnij – Chelyabinsk humanitarian*. No. 1 (26). Pp. 52–57. EDN: SQVUBN. (In Russian).

14. Os'muhina, O. YU. (2003) O novyh tendencyah v rossijskom romane rubezha XX–XXI vekov: V. Pelevin, V. Sorokin, P. Krusanov [On new trends in the Russian novel of the turn of the XX–XXI centuries: V. Pelevin, V. Sorokin, P. Krusanov]. *Filologicheskie issledovaniya – 2002* [Philological research – 2002]. Saransk: Izd-vo Mordovskogo un-ta. Pp. 189–191. EDN: YTZNBR. (In Russian).

15. Os'muhina, O. YU. (2009) *Russkie pisateli. XX vek: biogr. slov.: A–YA* [Russian writers, XX century: biogr. dictionary] sost. I. O. SHajtanov. Moscow: Prosveshchenie Publ. Pp. 408–410. (In Russian).

16. Pelevin, V. O. (2018) *iPhuck 10: roman* [iPhuck 10: Novel]. Moscow: Eksmo Publ. (In Russian).

17. Pelevin, V. O. (2021) *Transhumanism Ins.* [Transhumanism Inc.]. Moscow: Eksmo Publ. (In Russian).

18. Pelevin, V. O. (2022) *Nepobedimoe solnce* [The Invincible Sun]. Moscow: Eksmo Publ. (In Russian).

19. Pelevin, V. O. (2019) *Tajnye vidy na goru Fudzi* [Secret views of Mount Fuji]. Moscow: Eksmo Publ. (In Russian).

20. Safonova, V. A. (2012) Social'naya istoriya iskusstva: K stanovleniyu metoda [The Social History of Art: Towards the formation of the method]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gercena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. No. 150. Pp. 89–93. EDN: OZQFNL. (In Russian).

21. Tittton, M. (2021) *Moda, Feminizm i radikal'nyj protest* [Fashion, feminism and radical protest]. *Teoriya mody: odezhda, telo, kul'tura – Fashion Theory: Clothing, Body, Culture*. No. 1 (59). Pp. 159–169. EDN: OEOFES. (In Russian).

22. Ushakin, S. A. (1999) *Pole pola* [Floor Field]. *ZHenshchina. Gender. Kul'tura* [Woman. Gender. Culture]. Moscow. Pp. 35–45. (In Russian).

23. Holod, A. M. (1997) Muzhskaya i zhenskaya kartina mira v russkogo yazyke [Male and female worldview in Russian]. *Verbal'nye i neverbal'nye dejksisy maskulinnosti i femininnosti* [Verbal and non-verbal deixis of masculinity and femininity]. *Krivoj Rog*. Pp. 101–121. (In Russian).

24. SHirokova, E. V. (2011) V poiskah femininogo diskursa: estetiko-poeticheskie eksperimenty v russkoj zhenskoj proze konca XX veka [In Search of a Female Discourse: Aesthetic and poetic experiments in Russian Women's Prose of the late 20th Century]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya – Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*. No. 4. Pp. 90–96. EDN: ONSZNV. (In Russian).

25. Butler, J. (1990) *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. New York; London: Routledge.

26. Hariman, R. (2008) Political Parody and Public Culture. *Quarterly Journal of Speech*. Vol. 94. No. 3 Pp. 247–272. DOI: 10.1080/00335630802210369.

27. Palmer, J. (2005) Parody and Decorum: Permission to Mock. *Beyond a Joke: The Limits of Humour*. London: Palgrave Macmillan UK. Pp. 79–97. DOI: 10.1057/9780230236776_5.

28. Petrović, T. (2018) Political Parody and the Politics of Ambivalence. *Annual Review of Anthropology*. Vol. 47. No. 1. Pp. 201–216. DOI: 10.1146/annurev-anthro-102215-100148.

29. Piata, A. (2016) When metaphor becomes a joke: Metaphor journeys from political ads to internet memes. *Journal of Pragmatics*. Vol. 106. Pp. 39–56. DOI: 10.1016/j.pragma.2016.10.003.

Об авторе

Марьюшкина Анастасия Павловна, аспирант Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва (г. Саранск, Российская Федерация); E-mail: sivis_amary@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-4851-6519

About the Author

Maryushkina Anastasia P., Postgraduate Student, N. P. Ogarev Mordovian State University (Saransk, Russian Federation); E-mail: sivis_amary@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-4851-6519

дата получения: 25.07.2024 г.
дата принятия: 30.08.2024 г.
дата публикации: 30.09.2024 г.

date of receiving: 25 July 2024
date of acceptance: 30 August 2024
date of publication: 30 September 2024